

18+

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВ

Варвара

Евгений Юрьев

Варвара

«Издательские решения»

Юрьев Е.

Варвара / Е. Юрьев — «Издательские решения»,

Тайга. Зима. Золото. И двое, которых война сделала чужими. Шайтан бежит из лагеря. Ему нужен шанс — выжить и начать заново. Варвара живёт одна в глухой сибирской избушке. Она никого не ждёт и никому не верит. Их встреча — случайность. Но в тайге случайностей не бывает. Каждый ищет своё: один — свободу, другая — покой. Тайга не прощает ошибок, прошлое не отпускает. Четыре года войны прошли. Но война не кончается, пока человек носит её внутри. Суровая проза о послевоенной Сибири.

© Юрьев Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Варвара

Евгений Юрьев

© Евгений Юрьев, 2026

ISBN 978-5-0071-1003-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Шайтан лежал на верхних нарах и смотрел в потолок.

Доска над ним была в трещинах, и сквозь одну из них сочилась вода — где-то на крыше подтаивал снег, хотя до настоящей весны было еще далеко. Капля срывалась, летела вниз и разбивалась о край нар, обдавая лицо холодной пылью. Он не моргал. Привык.

В бараке было тихо. Так тихо, что слышно, как в углу шебуршит крыса — обходит пустые миски, принюхивается, замирает. Где-то в другом конце, за дощатой перегородкой, кто-то сто-нал во сне: не то раненый, не то просто снилось плохое. Шайтан не повернул головы. Ему было плевать на чужие сны.

Он думал о дороге.

Точнее, о том, что будет после нее. Железная колея, проходящая в сорока верстах от лагеря, уходила на восток, через перевал, через тайгу, к старой пристани, где когда-то грузили лес. Теперь там не было ничего — только разбитый причал, поросший ивняком. Но дорога все еще существовала. По ней ходили составы. И один из них, по словам умирающего стрелка ВОХР, вез то, ради чего стоило сдохнуть.

Шайтан знал, что стрелок не врал. Тот вообще не умел врать: когда ему выбили половину зубов и прижгли палец о печку, он рассказал все — и про вагоны, и про охрану, и про то, что золото идет в сопровождении всего трех человек, потому что во время войны людей не хватало даже на фронте, не то что на конвой.

Золото.

Он прикрыл глаза. Под веками, словно наяву, встала картина: мешки, полные желтого песка. Или бруски, переложенные соломой. Он видел это богатство, даже не зная, как оно выглядит на самом деле. Ему было достаточно знать, что оно есть.

За дверью загремел засов.

Вошел надзиратель — молодой, с веснушками, в шапке, надвинутой на самые брови. В руке фонарь. Луч резанул по нарам, выхватил лица спящих. Шайтан не шелохнулся.

Надзиратель постоял, почесал щеку, сплюнул на пол и вышел. Засов задвинулся с тем же лязгом.

Шайтан усмехнулся в темноте.

Он знал, что этот парень — его пропуск.

Надзиратель по фамилии Гуськов был жаден и труслив. Ему двадцать три, и он приехал сюда не служить, а прятаться от фронта — откосил по зрению, устроился в охрану, мечтал пересидеть войну и вернуться домой с чистыми руками. Но чистых рук не бывает. Шайтан знал это лучше других.

Неделю назад он подозвал Гуськова к нарам и тихо, почти ласково, спросил:

— Батя твой как? Живой?

Гуськов дернулся, как от удара. Огляделся по сторонам. Вокруг никого.

— Чего тебе?

— Ничего. Просто интересуюсь. Адрес-то у него на Карла Маркса, кажется? Или я запамятовал?

Гуськов побледнел.

Шайтан смотрел на него снизу вверх, и в этом взгляде не было угрозы — только скука. Но именно от этого становилось страшнее. Шайтан не блефовал. У него были люди на воле. Не друзья, нет — просто люди, которые должны были ему. А долги он умел требовать.

— Не тронь его, — прошептал Гуськов.

— А я и не трогаю. Я только прошу подсобить. По-братски. Разве ты не хочешь помочь ближнему?

Через два дня Гуськов принес карту. Еще через день — два пистолета, выменянные у интенданта за спирт. Шайтан все проверил, пересчитал патроны, осмотрел затворы. Пистолеты были старые, но рабочие. Для того, что он задумал, этого хватало.

Сегодня была среда. В ночь с пятницы на субботу в наряде дежурил Гуськов.

Значит, у него есть два дня.

Утром их выгнали на лесоповал.

Мороз стоял злой, колющий, такой, от которого деревья трещат. Зеки шли колонной, по двое, под конвоем, утопая в снегу по щиколотку. Впереди — собака, здоровая, серая, с натянутым поводком. Шайтан шел в середине, придерживая рукой ушанку. Он не смотрел по сторонам, не искал глазами нужных людей — они сами держались рядом.

Худой плелся слева, на полшага позади. Он был молод, лет двадцати шести, но тощий, как скелет, с вечно испуганными глазами. На зону попал за кражу — стянул мешок зерна с обоза, когда в деревне жрать было нечего. Дали восемь лет, как за измену Родине. За год на лесоповале он высох, сгорбился, научился бояться каждого шороха. Но Шайтан выбрал именно его.

Худой умел лазать. Раньше, до войны, работал на столбах — тянул провода в райцентре. Лазил быстро и цепко, как кошка. При нападении на поезд такой нужен: первым залезет на сцепку, откроет дверь, снимет часового. Если убьют — не жалко.

Зея шел чуть правее. Этот был другой породы: коренастый, с бычьей шеей, руки длинные, пальцы толстые, в наколках. Он сидел за разбой, резал баб на тракте. Был зверино терпелив: мог часами сидеть в засаде, не шевелясь, а потом броситься так, что жертва не успевала пискнуть. Шайтан ценил его за это. И за жадность.

Бурый замыкал их пятерку. Он шел последним, широко расставляя ноги, словно хотел занять больше места, чем положено. Лицо — будто из дерева вырезали: тяжелое, с глубокими складками у рта. Седые виски. Глаза маленькие, медвежьи. Он отсидел двенадцать лет за убийство, но на зоне не сломался: остался таким же — медленным, угрюмым, опасным. Шайтан не любил его. Но знал: Бурый в деле не подведет. Он не из тех, кто паникует, когда пахнет кровью.

Пятый — Штырь — шел впереди, почти в первом ряду. Он был самым незаметным. Тихий, сутулый, с лицом, которое забываешь сразу, как отвел взгляд. В лагере его не то чтобы боялись, но и не трогали: было в нем что-то такое, из-за чего лишний раз связываться не хотелось. Поговаривали, что он задушил сокамерника за пайку хлеба, но доказать не смогли. Шайтан взял его в дело потому, что Штырь умел ориентироваться в тайге. Раньше был лесником, пока не пустил под откос лесовоз и не растащил имущество по дворам.

Пятеро. Меньше, чем нужно. Но больше — нельзя: толпа привлечет внимание, а лишние рты — лишние свидетели.

На делянке им выдали пилы и топоры. Конвой рассредоточился по периметру, попрятался от ветра за стволы. Собака улеглась в снег, положила голову на лапы.

Шайтан вонзил топор в бревно и распрямился. Рядом, делая вид, что возится с пилой, подошел Худой.

— Все в силе? — спросил он одними губами.

— В силе.

— А если не выйдет?

Шайтан посмотрел на него так, что Худой отступил на шаг.

— Выйдет.

Он снова взялся за топор. Удары ложились ровно, с хрустом. Щепки разлетались в стороны. Работал он спокойно, без спешки, как человек, который знает, что время работает на него. А вокруг трещала тайга, звенела пила, перекликались надсмотрщики. Жизнь шла своим чередом.

Но Шайтан уже был не здесь.

Он шел по ночному лесу, вдоль железной дороги, туда, где из тумана выползал состав. Три вагона. Три человека охраны. И золото, тяжелое, как грех.

— Шайтан, — позвал его Штырь, проходя мимо с вязанкой хвороста. — Вечером переговор с кумом. Насчет портянок.

Шайтан кивнул, не поднимая головы.

Это был условный знак. Значит, Гуськов подтвердил: в пятницу он будет на посту.

Осталось два дня.

Вечером в бараке пахло мокрой шерстью и хлебом.

Давали баланду — жидкую, с редкими крупинками пшена. Ели молча, быстро, обжигая губы. Шайтан сидел у печки, на корточках, и крошил в миску сухарь. Руки его не дрожали. Он вообще редко волновался. Волнение — это страх, а страх он задавил в себе еще на первой ходке, когда увидел, как умирает человек: дергается, хрипит, а потом затихает, как задутая свеча.

После ужина зеки потянулись к нарам. Кто-то играл в карты, зажав в кулаке щепоть махры. Кто-то штопал рубаху. Шайтан забрался наверх, укрылся одеялом и закрыл глаза.

Он думал о том, что будет после.

Когда все закончится и он останется один, с золотом, где-нибудь у реки, в старой избушке, о которой рассказал ему когда-то отец.

Отец у него был конокрадом. Баба его бросила, когда Шайтану было шесть. Отца поймали и забили кольями в соседней деревне. А мальчишка убежал в лес и жил там один, пока не подобрала лесничиха. Старуха выучила его читать, кормила щами и говорила: «Не ходи туда, где люди». Он не послушался.

Шайтан перевернулся на бок. Под подушкой лежал заветный узелок: два сухаря, спички, моток веревки и маленький нож, выточенный из напильника. Все, что нужно для первого дня свободы.

Где-то за стеной выла собака.

Он знал, что за ним придут.

В пятницу утром шел снег.

Крупный, мокрый, он падал косо, лепил в лицо, застилал глаза. Конвоиры нервничали: в такую погоду видимость — шагов двадцать, не больше. Собака скулила, жалась к ногам. Шайтан шел в колонне и улыбался про себя. Погода была подарком.

После полудня снег перестал, но небо осталось низким, серым, как грязная портянка. Зеки работали на дальнем участке, у самого леса. Конвой держался кучно, перекликались каждые пять минут. Шайтан ловил взгляды своих людей — все ждали.

К вечеру, когда начало смеркаться, Гуськов подошел к Шайтану и громко, для остальных, сказал:

— Гусев, в инструментальный за топором. Живо.

Шайтан разогнулся, вытер руки о ватник и пошел следом.

Инструментальный барак стоял в стороне, почти у самой кромки леса. Внутри пахло ржавым железом и машинным маслом. Гуськов закрыл дверь, постоял, прислушался. Потом сунул руку под верстак и вытащил сверток.

— Здесь два. Патроны отдельно. Больше не мог.

Шайтан развернул тряпицу. Два нагана, старые, но смазанные, без ржавчины. Рядом — горсть патронов, штук двадцать, не больше. Он проверил барабаны, щелкнул курком. Звук был сухой, металлический.

— Пойдет.

— Смотри, Шайтан... — Гуськов замялся. — Если что — я не при чем. Ты меня не видел.

— Не видел, — кивнул Шайтан. — А ты не видел, как я в лес ходил.

Гуськов посмотрел на него исподлобья. Губы у него дрожали.

— Сегодня ночью смена до шести. В шесть утра обход. Если не уйдете — все сгниете.
— Уйдем.

Шайтан сунул наганы за пазуху. Сверху прикрыл ватником. Со стороны и не заметишь.

— Иди, — сказал он.

Гуськов вышел первым, оставив дверь приоткрытой.

Ночь опустилась на лагерь быстро, как занавес.

В бараке потушили свет. Шайтан лежал на нарах, не раздеваясь, и слушал, как засыпают люди. Хриплое дыхание, скрип нар, чей-то кашель. Он ждал.

В полночь поднялся.

Двигался бесшумно — сказывался опыт. Спустился вниз, коснулся плеча Штыря. Тот сразу открыл глаза, будто и не спал. Кивнул. Поднялись Худой, Зея, Бурый. Одевались быстро, без слов.

У стены, возле печки, спал дед-извозчик. Он приоткрыл глаз, посмотрел на них мутным взглядом и снова закрыл. Не его дело.

Шайтан подошел к окну. Решетка была старая, держалась на четырех штырях. Они заранее подпилили ее ножовкой, спрятанной в дровах. Теперь оставалось только надавить.

— Давай, — шепнул он.

Бурый с Штырем навалились на решетку. Та подалась с тихим скрипом, наружу посыпалась труха. Холодный воздух ударил в лицо.

Первым в окно полез Худой. Он проскользнул быстро, как угорь, и исчез в темноте. За ним — Зея, потом Штырь. Бурый застрял на миг, заворочался, сдавленно выругался. Шайтан уперся ладонями ему в зад и толкнул. Бурый выпал наружу, глухо ударился о землю.

Шайтан оглянулся в последний раз. Барак спал. На печке ворочался кто-то, бормотал во сне. Ему вдруг захотелось закурить — просто стоять и курить, глядя на этот мир, который он покидает навсегда. Но времени не было.

Он полез в окно.

Снег под ногами скрипнул. Они пригнулись и побежали вдоль стены, к дальним кустам. Где-то за вышкой горел фонарь, качался на ветру. Собака не лаяла — видно, спала в будке, укрыв морду хвостом.

За зоной начинался лес. Черный, густой, живой.

Шайтан остановился на опушке и обернулся. Лагерь лежал внизу, придавленный снегом, тихий, как кладбище. Вышки, бараки, заборы. Все, что он ненавидел.

— Прощай, — сказал он негромко.

И шагнул в темноту.

За спиной треснула ветка, и кто-то из пятерых судорожно всхлипнул. Шайтан не обернулся. Он знал: это Худой. Пусть боится. Страх — это хорошо. Страх заставляет бежать быстрее.

Лес принял их, сомкнулся, укрыл.

Впереди была тайга.

Впереди было золото.

И кровь.

Глава 2

Лес дышал.

Ночью, на морозе, он не молчал, как думают те, кто никогда не был в тайге. Он жил: ухал филин, где-то далеко трещала сорока, потревоженная неведомым зверем. Снег лежал глубокий, рыхлый, и каждый шаг давался с трудом.

Шли гуськом.

Первым — Штырь. Он двигался странно, боком, как краб, и почти не оставлял следов: ступал на валежины, на кочки, на места, где снег был плотный, прибитый ветром. Шайтан шел за ним, след в след. Дальше — Худой, за ним Зея, и замыкал Бурый.

Молчали.

Уже через час ходьбы Худой начал отставать. Сначала на шаг, потом на два. Дышал с хрипом, как простуженный, и все время оглядывался. Шайтан слышал его сиплое дыхание за спиной и злился.

— Подтянись, — бросил он, не оборачиваясь.

Худой что-то промычал, прибавил шагу. Но ноги у него были слабые, лагерная баланда не прибавляла сил. Он спотыкался, пару раз упал на колени, лоя рукой воздух. Зея тихо ругнулся:

— Доходяга. Прирежь его, Шайтан, и пойдем быстрее.

— Заткнись, — отрезал Шайтан.

Он не собирался резать Худого. Пока не собирался. Этот щуплый малец нужен был ему на деле: лазил лучше всех, а в вагоне, где узкие проходы и темнота, ловкость важнее силы. Если сдохнет по дороге — туда ему и дорога. Но не раньше.

К утру вышли к замерзшему ручью.

Остановились в распадке, где ели стояли стеной, а снег был не таким глубоким. Штырь походил вокруг, пригляделся к пням, к заломам на березах. Потом присел на корточки, снял рукавицу, потрогал кору.

— Тут зверь ходит. Свежий след. Лось, — сказал он.

— Нам лось не нужен, — ответил Шайтан. — Далеко от дороги?

— Верст десять. Может, больше. Плутали малость.

Шайтан сел на поваленное дерево, вытащил из-за пазухи тряпицу с махоркой. Набил сигарку, закурил. Дым был горький, обжигал легкие, но он не кашлял. Смотрел в одну точку, между стволами, туда, где начинался туман.

Зея с Бурым уселись рядом. Худой привалился к стволу сосны и хватал ртом воздух, как загнанный пес.

— Сколько идти до реки? — спросил Зея, разглядывая свои обмороженные пальцы.

— День, — ответил Штырь. — Может, два. Дорога сначала.

— А потом?

— Потом — по руслу. Как лед пойдет.

Шайтан выпустил дым через ноздри.

— Забудь про реку, — сказал он.

Зея удивленно поднял брови.

— Ты ж говорил — к реке выйдем.

— Слушай, что говорят, а не что слышишь, — усмехнулся Шайтан. — К реке пойдем. Но не прямым ходом. Сначала дело.

Он не стал объяснять. Достал из вещмешка карту, которую дал Гуськов. Развернул на колене. Бумага была старая, затертая на сгибах, с пятнами чего-то бурого. На ней — уча-

сток железной дороги, извилистая линия, уходящая на восток. Красным карандашом отмечен подъем. Там состав сбрасывает скорость.

— Вот здесь, — ткнул он пальцем. — В ночь на воскресенье пойдет товарняк. Три вагона. Охрана — трое. В третьем — золото.

Тишина повисла над распадком. Даже Худой перестал дышать.

— Откуда знаешь? — спросил Бурый.

— Знаю.

Бурый не стал переспрашивать. Имел уже опыт: Шайтан зря не говорит.

— Сколько там? — подал голос Зеля. Глаза у него заблестели, как у кота перед миской.

— Много. По весу — не унести. Будем брать, сколько сможем.

— А если охрана с пулеметом?

— Нет пулемета. Война, люди нужны на фронте. Вся охрана — три стрелка с винтовками.

Зеля потер руки. Он уже мысленно делил добычу. Шайтан видел это по его лицу — жадность, смешанная с недоверием. Такие, как Зеля, хотят все и сразу, а потомдохнут первыми, потому что не умеют ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.